УДК 94(571.5)

ББК 63.3(2Р54)

DOI 10.31554/2222-9175-2018-31-30-37

В. Ю. Башкуев

ЗДОРОВЬЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ГЛАЗАМИ ВРАЧЕЙ-ОБЩЕСТВЕННИКОВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Рассматриваются вопросы взаимодействия русского врачебного сообщества с крестьянской общиной в период становления и развития земской медицины в России. На основе опубликованных наблюдений земских врачей автор выделяет основные особенности восприятия крестьян университетски образованными медиками в различных жизненных ситуациях. Рассматриваются народные суеверия, знахарство и прочие атрибуты традиционных здравоохранительных практик русского крестьянства. Автор приходит к выводу о преемственности подходов и методов работы с традиционными сообществами в земский и раннесоветский периоды.

Ключевые слова: крестьянство, традиционная культура, земская медицина, врачи, холера, эпидемии, суеверия, знахарство, народная медицина.

V. Yu. Bashkuev

HEALTH OF RUSSIAN PEASANTRY THROUGH THE EYES OF SOCIALLY ACTIVE PHYSICIANS IN THE LAST THIRD OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

In this paper, the author considers issues of interaction between the Russian medical community with the peasantry in the period when the zemstvo medicine was in the making. Based on published reports of the zemstvo physicians, the author singles out the key peculiarities of medical perception of peasants by the university-educated medics in various life situations. The author views popular superstitions, quackery, and other attributes of the traditional health protection practices of the Russian peasantry. He concludes that there is a continuity in the approaches and methods of working with traditional societies in the zemstvo and early Soviet periods.

Keywords: peasantry, traditional culture, zemstvo medicine, physicians, cholera, epidemics, superstitions, quackery, folk medicine.

Изучая историю внедрения европейской медицины в монгольском мире, я анализировал примеры взаимодействия апологетов современного здравоохранения с представителями традиционных сообществ региона – бурят, монголов, тувинцев, русских старожилов, переселенцев и забайкальских

староверов-семейских. Хронологически рамки исследований ограничивались началом 1920-х – серединой 1940-х гг. из-за привязки к тектоническим социально-политическим сдвигам – революции 1917 г., Гражданской войне, экспорту социалистической модели в азиатский лимитроф Советской России, большевист-

ской модернизации кочевых народов. В стремлении понять хитросплетения политических мотивов, сопровождавшие слом старой системы и создание социалистического здравоохранения, мне приходилось лишь «по касательной» затрагивать взаимоотношения дореволюционного врачебного сообщества и представителей традиционных культур, тем более что в сибирском контексте эта область не балует историка обилием первоисточников. Между тем глубинное изучение раннесоветских архивных материалов по проблеме строительства социалистической медицины привело к глубокому убеждению в том, что большевики не придумали здесь ничего радикально нового, а постулируемые ими принципы, подходы и методы здравоохранения являлись идеологически перелицованным продолжением практик земской медицины. Поэтому стало ясно, что без обращения к дореволюционному опыту взаимодействия врачей и представителей крупнейшего традиционного сообщества страны – русского крестьянства не обойтись, если поставлена задача понять особенности большевистской модернизации медицинской отрасли в 1920-е гг.

Сильнейший импульс обсуждению проблем здоровья крестьянства дала реформа 1861 г. Признание необходимости создания нового здравоохранения с охватом сельских жителей исходило, в т. ч., и из правительственных кругов. Весной 1862 г. на заседании Общества русских врачей в Москве приказную систему серьезно раскритиковал вице-директор Медицинского департамента Н. И. Розов. Впоследствии в процессе обсуждения вопроса медицинского обслуживания населения столкнулись основные политические группировки того периода. Позиция либералов отстаивала необходимость широкого и равного медицинского обслуживания населения; реакционная часть придерживалась формулы «врач – барский доктор, фельдшер – мужицкий», отражая привычную для России

социальную дихотомию. Даже мнения врачебных сообществ и их печатных органов диаметрально разделились: Общество русских врачей в Москве (1859) и его «Московская медицинская газета» были сторонниками рационализации медицинской помощи населению; киевский журнал «Современная медицина» занял противоположную позицию, выражая мнения, что в уездах вообще нет запроса на врачей [Егорышева 2013: 38].

Победившие сторонники всеобщего медицинского обслуживания разработали наиболее децентрализованную в тех условиях модель медицинской помощи на селе – участковую систему, базировавшуюся на осевое медучреждение участка (больницу с аптекой), укомплектованную врачом, двумя фельдшерами и повивальной бабкой. В течение 20 лет после введения в 1864 г. земского самоуправления эта система завоевывала признание как наиболее рациональный путь организации медицинского обслуживания населения [Там же]; была скопирована и успешно развита большевиками после революции в октябре 1917 г.

Приближение врачей к обслуживаемому населению позволяло ближе соприкоснуться с социальными язвами российской глубинки, почувствовать, как на нее воздействовали быстрые социальные и экономические изменения эпохи – урбанизация, индустриализация, распад патриархальной крестьянской общины. Вкупе с обязанностями по сбору материалов по медицинской географии и статистике и добавившимися функциями санитарного пропагандиста это делало земских медиков даже большими социологами и писателями, чем в прошедшую николаевскую эпоху. Близкое соприкосновение с проблемами санитарной и социальной гигиены привело к появлению в медицинской периодике 1860-х гг. большого количества статей о «гигиенической стороне крестьянского вопроса». Серьезная разработка врачами той эпохи вопросов санитарной статистики отражала при-

верженность многих медиков высказыванию Н. И. Пирогова: «будущее принадлежит медицине предохранительной», т. е. концепции профилактической медицины.

Она же стала серьезным камнем преткновения. Некоторые земские начальники восприняли в штыки стремление земских врачей выйти за пределы лечебной медицины, разрабатывая программы санитарного образования и общественного здравоохранения. Считалось, что врач должен лечить, а для просвещения населения ему необходимо выбирать между медициной и борьбой за улучшение социальных условий. Земские же врачи видели в профилактической медицине путь к изменению всего нездорового быта крестьянской общины и поэтому стремились к санитарному просвещению на селе. Особенно это проявилось во время холерной эпидемии 1892–1893 гг. [Frieden 1977: 542].

Азиатская холера снабдила ученых универсальной оптикой для изучения социальных реформ и социальной политики государства, аспектов урбанизации и индустриализации, развития научных концепций гигиены и патологии, проблем миграции и геополитики. «Где бы ни появилась, она испытывала эффективность и устойчивость местных административных органов», — писал исследователь викторианской эпохи Э. Бриггз. — Она безжалостно обнажала политические, социальные и моральные недостатки. Она провоцировала слухи, подозрения, иногда ожесточенные социальные конфликты. Она вдохновляла не только на проповеди, но и на создание романов и произведений искусства. Вследствие всех этих причин изучение истории холеры в XIX в. представляет нечто гораздо большее, нежели простой экскурс в медицинскую эпидемиологию...; это важный и малоизученный раздел социальной истории» [Briggs 1961: 96].

В контексте истории русской медицины холерные эпидемии XIX в. подня-

ли массу насущных вопросов: от причин неэффективности санитарных кордонов до необходимости перехода к профилактической медицине и обсуждения сущности и причин психических эпидемий. С 1823 по 1914 г. холера шесть раз прокатывалась по империи, оставив более двух миллионов жертв. Из европейских государств Россия пострадала больше всех, а во время второй (1826–1837) и третьей (1841–1859) пандемий азиатская холера вторгалась в Европу и Новый Свет через российскую территорию [Henze 2011: 19].

Печальный опыт холерных эпидемий XIX в. складывался в России из медицинского непонимания причин холеры (общего в тот период для всей Европы) и классических для царской администрации форм неэффективности. Во время эпидемии 1829–1831 гг. сначала пренебрегли рекомендациями медицинского совета МВД, смягчив карантины и приняв на себя ответственность за противо-холерные меры, затем неожиданно ввели схожие с Европой меры по ликвидации холеры противочумными методами — установлением медико-полицейских и военизированных санитарных кордонов. Жесткие ограничения привели к катастрофическим социальным последствиям: в ряде городов произошли холерные бунты, в ходе которых агрессия толпы была направлена на медиков и инфраструктуру [Ibid.: 16]. Врачей, фельдшеров, чиновников и укрывавших их горожан зверски убивали; больницы и холерные бараки — сжигали дотла [Попов 1903: 138–148]. Кровавые бунты повторились и в разгар холеры на нижней Волге в 1892–1893 гг. Жертвами снова стали медики и медицинские учреждения.

Изучавшие русское крестьянское общество изнутри земские врачи поражались обилию и разнообразию суеверий вокруг причин возникновения инфекционных заболеваний. Особенно занимали докторов живописные персонификации моровых болезней: 12 лихорадок — доче-

рей царя Ирода; безобразная женщина с воловьими пузырями вместо глаз – распространенный в Орловской губернии образ оспы; отравляющая колодцы и при поимке исчезающая как дым девка – мистическое отображение заразы в Пензенской губернии и, наконец, главное пугало XIX в. – холера, количество образов которой было огромным. Распространенные в печати выражения «холера идет», «холера приближается» воспринимались крестьянскими массами буквально, а зловещая болезнь персонифицировалась в виде и человека (иногда даже попа), и зверя, и домашнего скота. Доктор Г. И. Попов в вышедшем в 1903 г. обширном исследовании народной медицины собрал массу интересных историй и слухов, которыми народ объяснял причины холеры. Приведем некоторые из них.

Во время эпидемии 1892–1893 гг. в Ярославской губернии крестьяне рассказывали о женщине, летавшей по воздуху и рассыпавшей ядовитые семена на землю, в огороды, колодцы и реки. В деревне Крутой Меленковского уезда Владимирской губернии было произведено опаживание территории в надежде, что холера не сможет перейти магическую черту. Люди следили за установленным рубежом и рассказывали, что ночью нечто белое подъезжало к селу, но, доехав до черты, повернуло назад. Тем не менее впоследствии в деревне умерло от холеры 27 крестьян.

Медик из Калужской губернии сообщила, что в 1892 г. в ожидании холерной эпидемии в деревне Чепляевка была спущена сажалка для рыбы со стоячей водой. Выполнявшие работу крестьяне тут же сделали вывод о том, что зараза кроется в воде и на ночь надо запирать колодцы. Другие скептически отнеслись к этому, утверждая, что река близко и холера легко спрячется там. Ходили упорные слухи, что холер на самом деле целых пять – три бабы и два мужика. Потом разнеслась молва, что одну холеру убили.

История представлялась следующим образом: ехавшего вечером по дороге му-

жика окликнула старуха – слабая, плохо одетая, растрепанная и мокрая. Сжалившись над ней, мужик посадил ее на телегу и повез в деревню.

– Ну, спасибо тебе, – говорит старуха, – услужил ты мне, услужу и я тебе.

– Чем же ты мне послужишь, бабушка?

– Да ведь я холера. Приду в деревню, пушу яд во все колодцы, кто из них напьется, тот и захворает: а ты бери на свою семью воду из реки, покуда хворость пройдет, туда я не буду яд пускать.

Тогда мужик увидел реальную внешность старухи – черная, страшная, с горящими, словно угли, глазами. Решил он холеру обмануть, привез к себе, угостил водкой и уложил спать. Затем отрубил ей топором голову и оказалось, что та вся начинена пузырьками с ядом. На другой день мужик отнес труп холеры в волостное правление и после осмотра мертвой старухи получил в награду 100 рублей [Попов 1903: 20–21].

Глядя на подобные курьезы сквозь рационалистическую призму университетского образования, русские врачи, с одной стороны, осознавали опасность попыток внести в суеверную среду русской деревни научное понимание природы болезни, памятуя о судьбах убитых во время холерных бунтов врачей. С другой стороны, привитая со студенческой скамьи миссия просвещать и спасать вкупе с высокой врачебной и религиозной этикой нередко приводили к актам самопожертвования. Например, помогая ликвидировать в 1910 г. эпидемию холеры в украинском селе Грушевка, петербургский студент-медик Всеволод Малиновский специально заразил себя, чтобы продемонстрировать недоверчивым крестьянам действенность противохолерной вакцины. В результате опыта он умер, но прививки смогли спасти в Грушевке много жизней [Шевцова и др. 2016: 103].

Примеры врачебного самопожертвования в доказательство действенности лекарственных средств и вакцин, зверские расправы над медроботниками во время

холерных бунтов, часто упоминающиеся в мемуарной литературе примеры недоверия крестьян к выписываемым лекарствам [Заленский 1908: 34–35] указывают на глубокую пропасть непонимания, разделявшую крестьян и врачей в пореформенный период. Современные историки, анализируя деятельность медиков как агентов имперской власти, справедливо отмечают важность формировавшегося в ходе врачебной профессионализации и медицинского изучения окружающей и социальной среды России специфического рационализирующего языка, который со временем прививался и правящей элите [Вишленкова 2011: 53]. Но часто за кадром остается другой аспект: в процессе взаимодействия с крестьянской средой врачам приходилось овладевать и языком народно-бытовой медицины вместе с сопутствующим комплексом суеверий, представлений и образов.

Отмечая важность понимания врачом мировоззрения крестьянина, Г. И. Попов писал: «Тогда врач, узнав все его отрицательные и слабые стороны, получит возможность не только предусматривать и предостерегать, рельефнее выставлять на вид заблуждения народа, но, главное, научится говорить с народом применительно к его понятиям и на его языке, и тем откроет для себя путь самого широкого и прочного влияния на народ» [1903: VII].

Изучение особого языка народной медицины требовало полного погружения в деревенскую действительность и больших усилий по завоеванию доверия крестьян. Комментируя эту проблему, земский врач Э. Я. Заленский писал: «Чтобы изучить народное знахарство ... необходимо пожить долгое время в деревне и, главное, сблизиться здесь с ее обывателями путем дружественных с ними отношений... Временное же хождение в народ с практиковавшимся когда-то даже балаганным переодеванием и подлаживанием под народную речь может дать только тот материал, который обра-

щается в деревне открыто, как общее достояние, например песня. Тот же материал, который находится в руках отдельных лиц, как например знахарские заговоры, нельзя получить в деревне иначе, пока с доверием не войдешь в деревенскую жизнь и там не заведешь себе постоянного знакомства» [1908: 67].

«Так или иначе, но деревенский обыватель на всякое заезжее в его деревню городское лицо, хотя бы последнее являлось к нему с определенной целью, например как статистик, врач и т. п., смотрит с каким-то подозрением и в свою горемычную жизнь вводит его если не неохотно, то во всяком случае осторожно, — отмечал он, рассуждая об ущемленном постоянным глумлением над темнотой и серостью самолюбия крестьянина. — Это подчас плохо скрываемое нежелание обстоятельно познакомиться человека образованного со всем складом своей жизни возникло отчасти из того убеждения, что “господа выведывают мужичка” из желания или узнать его “достатки”, или “прописать его в книжке” за его темноту. Такого рода убеждения не могли не задеть мужицкого самолюбия, которое долгое время играло печальную разъединяющую роль между деревней и той интеллигенцией, которая пошла сюда» [Там же: 69].

Необходимость изучить и понять тайный язык народного заговора, постичь выработанную веками систему взглядов на причины заболеваний, овладеть укоренившимися в народе навыками домашнего врачевания объяснялась хотя бы тем, что народное знахарство изначально преследовало добрую цель — облегчить страдания ближнего всеми подручными средствами. «Но кто из земских врачей в настоящее время самоуверенно может сказать, что он хорошо изучил в своем участке это лечение? Игнорировать последнее или, еще хуже, относиться к нему пренебрежительно для человека, отдавшего себя на служение народной массе, нельзя, — убеждал Заленский. — То, что народ выработал, чему он верит и по-

клоняется, не есть его мимолетная затея. Это есть плод его многолетней умственной работы, его мировоззрения и развития» [Заленский 1908: 70].

Похожей точки зрения придерживался и доктор медицины Г. И. Попов. Он справедливо отмечал, что в многочисленных русских народных заговорах и заклинаниях есть общий знаменатель – стремление оказать воздействие на психику больного, которое должно быть тем сильнее, чем сложнее и таинственнее магические приемы. В своих рассуждениях Попов заходил дальше Заленского, сравнивая заговорные напевы русской народно-бытовой медицины со средневековой европейской медициной и находя последнюю попросту варварской. Русские народные заговоры, напротив, представлялись ему наполненными особой духовностью. «Эта основная черта знахарской терапии, считающаяся с духом больного и всецело проникнутая стремлением внести в него успокоение, при всей иногда уродливости ее практического применения, неизмеримо выше того бездушного взгляда на больного, которым отмечена средневековая западноевропейская медицина, с ее поистине чудовищным господством кровопускания, процветанием каленого железа, обливанием ран кипящей смолой или варом, с ее моксами, фонтанелями, заволочками и т. д., – писал Г. И. Попов. – Но что не менее важно, в этой черте сказалась идея того “влияния духа на дух”, которая выразилась в народном учении о порче. Только влияние это направлено здесь не во вред, а на пользу человеку» [1903: 63].

Отыскивание в народных практиках особой духовности, даже невзирая на вопиющие проявления невежества, умиление якобы свойственной народу духовной чистотой, противопоставление пусть отсталого, но близкого по духу отечественного меркантильному и бездушно-рациональному западному оформились как характерная черта русского

врачебного сообщества в николаевские времена. Тогда отсталость возводилась в преимущество, вооруженность западным знанием – в необходимую данность, а сам Запад рассматривался не более чем источник интеллектуального сырья, с успехом применяемого дельными русскими клиницистами для преодоления исконно отечественных проблем [Вишленкова 2014: 205]. Приписывание народным массам особой нравственной чистоты во многом схоже и с колониальным европейским взглядом на туземцев, что лишний раз свидетельствует о глубине различий между европейски образованными русскими врачами и крестьянством.

Таким образом, важной частью миссии русского врача считалось постижение народной картины мира, образа мыслей, языка и последующее посредничество между властью, представленной образованными классами, и народом, подавляющее большинство которого составляли крестьяне. При этом особое значение имело одновременное владение предписывающим языком европейской медицины, образным рядом крестьянского мировоззрения и языком народно-бытовой медицины; требовалось и высоко ценилось умение «переводить» с одного языка на другой [Гатина 2014: 82–88].

В бескрайних просторах Российской империи врачи естественным образом становились экспертами как по медико-географическим особенностям той или иной территории, так и по ее социальным проблемам. В медико-топографических, медико-статистических и демографических сочинениях, в материалах врачебных съездов, протоколах заседаний профессиональных обществ, в полемике на страницах медицинских и общественно-политических изданий навечно отпечатался своеобразный врачебный взгляд на российский социум.

В целом простой русский народ, будь то городская беднота, рабочие, крестьяне, отходники, маргиналы и прочие низшие сословия, в восприятии врачей XIX

– начала XX в. выглядел непривлекательно. И это вполне понятно, так как самое крупное образованное сообщество страны, наделенное властью пресекать антисанитарные практики населения и прививать ему, хотя бы и насильно, комплекс гигиенических навыков, в выполнении правительственных задач сталкивалось с бездной дремучих предрассудков, а временами с открытой агрессией.

Однако гуманистическая сущность медицинской профессии, стремление познавать природную и социальную среду с тем, чтобы рационально реорганизовать ее, потребность учить, лечить и защищать, а после 1864 г. и непосредственная

близость земских докторов к врачуемой крестьянской общине изменяли медицинское восприятие. Постепенно сформировалось осознание того, что успех европейской медицины в условиях русской провинции зиждется, прежде всего, на понимании, доверии и долгосрочном, методичном санитарном просвещении простого народа. Это убеждение пережило не только период земского переустройства губернской глубинки, но красной нитью проходило сквозь всю врачебную деятельность на окраинах Советской России в 1920-е гг. и вместе с советскими врачами последовало за ее пределы – в зарубежное пространство монгольского мира.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630 «“Плавильный тигель социализма”: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930-е гг.)».

Литература

Вишленкова Е. А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX века) / Е. А. Вишленкова // *Ab Imperio*. – 2011. – № 2. – С. 47–82.

Вишленкова Е. А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации / Е. А. Вишленкова // *История и историческая память*. – 2014. – № 10. – С. 182–199.

Гатина З. С. Университетские медики и народные целители: проблема взаимодействия (Россия, первая половина XIX века) / З. С. Гатина // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология*. – 2014. – № 8. – С. 82–88.

Егорышева И. В. Вклад медицинской общественности в разработку основополагающих принципов земской медицины России / И. В. Егорышева // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2013. – № 6. – С. 37–40.

Заленский Э. Я. Из записок земского врача / Э. Я. Заленский. – Псков: Труд и знание, 1908. – 185 с.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / Г. Попов. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. – VIII. – 404 с.

Шевцова З. И. Медики-подвижники на ниве земской медицины / З. И. Шевцова, В. В. Гапонов, Н. Чабан // *Гастроэнтерология*. – 2016. – № 3(61). – С. 99–105.

Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century / A. Briggs // *Past and Present*. – 1961. – № 19. – P. 76–96.

Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892–1893, and Medical Professionalization / N. M. Frieden // *Journal of Social History*. – 1977. – Vol. 10. – № 4. – P. 538–559.

Henze C. E. Disease, Healthcare and Government in Late Imperial Russia. Life and Death on the Volga, 1823–1914 / C. E. Henze. – London and New York: Routledge, 2011. – 248 p.

References

Vishlenkova E. A. “Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig dukh narodnyi”: samosoznanie vracha kak prosvetitel'ya gosudarstva (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) / E. A. Vishlenkova // *Ab Imperio*. – 2011. – № 2. – S. 47–82.

Vishlenkova E. A. Vrachebnye obshchestva Peterburga v pervoy polovine XIX veka: ot predstavitel'stva vo vlasti k samoorganizatsii / E. A. Vishlenkova // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. – 2014. – № 10. – S. 182–199.

Gatina Z. S. Universitetskie mediki i narodnye tseliteli: problema vzaimodeystviya (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) / Z. S. Gatina // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. – 2014. – № 8. – S. 82–88.

Egorysheva I. V. Vklad meditsinskoy obshchestvennosti v razrabotku osnovopolagayushchikh printsipov zemskoy meditsiny Rossii / I. V. Egorysheva // Problemy sotsial'noy gigieny, zdравookhraneniya i istorii meditsiny. – 2013. – № 6. – S. 37–40.

Zalenskiy E. Ya. Iz zapisok zemskogo vracha / E. Ya. Zalenskiy. – Pskov: Trud i znanie, 1908. – 185 s.

Popov G. Russkaya narodno-bytovaya meditsina. Po materialam etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva / G. Popov. – SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1903. – VIII. – 404 s.

Shevtsova Z. I. Mediki-podvizhniki na nive zemskoy meditsiny / Z. I. Shevtsova, V. V. Gaponov, N. Chaban // Gastroenterologiya. – 2016. – № 3 (61). – S. 99–105.

Briggs A. Cholera and Society in the Nineteenth Century / A. Briggs // Past and Present. – 1961. – № 19. – P. 76–96.

Frieden N. M. The Russian Cholera Epidemic, 1892–1893, and Medical Professionalization / N. M. Frieden // Journal of Social History. – 1977. – Vol. 10. – № 4. – P. 538–559.

Henze C. E. Disease, Healthcare and Government in Late Imperial Russia. Life and Death on the Volga, 1823–1914 / C. E. Henze. – London and New York: Routledge, 2011. – 248 p.